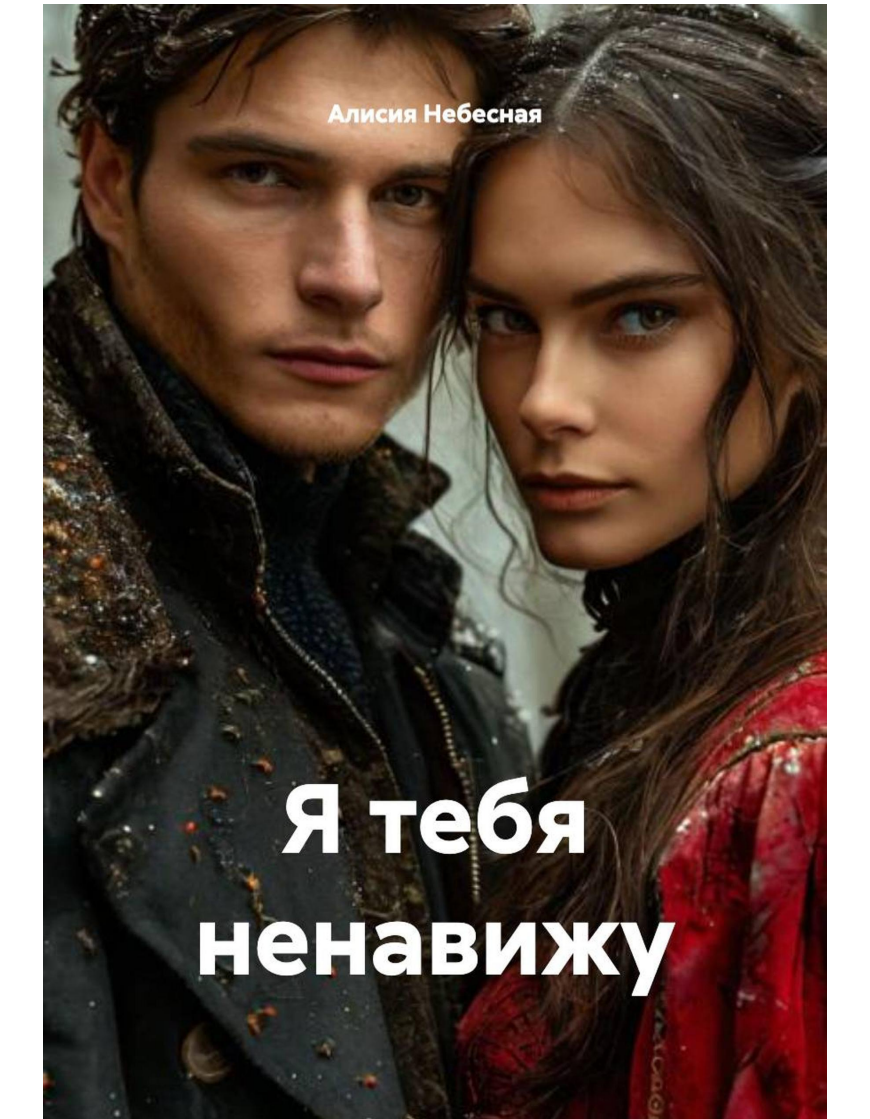

Алисия Небесная

**Я тебя
ненавижу**

Алисия Небесная

Я тебя ненавижу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73013002

SelfPub; 2025

Аннотация

Пятнадцать лет назад погиб брат Станислава Волкова. Причины смерти так и остались неизвестными. Однако подозрения пали на нее.

Алина исчезла. Он стал альфой и закрыл за ней дверь прошлого.

Теперь она вернулась.

Стая Громовых ослабла. Отец мёртв, а древний договор отнимает у неё всё. Земля, власть, имя – теперь его.

Он не мог простить. Она не могла забыть. Никто из них не хотел признать, что чувства все еще живы.

Пока они снова сближались – через боль, гнев и горечь – в игру вступил третий. Тот, кто все это время оставался в тени, ждал своего часа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Алисия Небесная

Я тебя ненавижу

Глава 1

В моих руках официальное подтверждение гибели главы Северного клана.

Владимир Громов мёртв.

Грусть? Ни на мгновение.

Этот старый волк наконец заплатил за смерть моего брата – пусть и с опозданием на десять лет.

Я делаю глоток вина. Урожай в этом году особенно хорош: терпкая горчинка раскрывается медленно, как мысль о мести, созревающей до идеального момента.

За окнами сгущаются сумерки. Границы на карте давно потеряли смысл – осталась только власть.

Завтра я войду в стаю Громова и наведу там порядок. Никто не посмеет возразить. Ни его вдова. Ни дочь... если осмелится вернуться.

Он пытался вернуть расположение нашей стаи. Вёл себя так, будто примирение возможно, будто кровь Кости можно стереть разговорами.

Смешно.

– Дорогой, ты уже слышал? – голос матери мягкий, но в

нём слышна тревога. Она входит без приглашения и садится напротив.

– Подтверждение у меня, – отвечаю, не отрывая взгляда от документа. – Всё официально.

– Что будешь делать дальше?

Поднимаюсь. Подхожу к окну. В стекле отражается моё лицо: чёткие черты, усталые глаза. Те же, что были у брата.

– То, что предписано договором, – говорю негромко. – Завтра мы войдём на территорию. Заберём управление.

– А... Алина? – осторожно спрашивает мать, почти шёпотом.

Имя режет слух, как звон разбитого стекла. Я стискиваю зубы и медленно оборачиваюсь.

– Что с ней?

– Она осталась. Единственная из рода Громовых. Люди всё ещё слушают её. У неё есть имя, лицо, голос... – мать делает паузу. – Ты ведь когда-то...

– Довольно, – обрываю её резко. – Всё прошло. Сгорело.

Она молчит. Я выдыхаю тяжело, глухо.

– Я совершил глупость. Поверил в её игру: в голос, в ласковый взгляд, в притворную невинность. Думал, она не такая, как её отец. Ошибся. Теперь всё в ней раздражает: как двигается, как говорит, как молчит.

– Но, Стас, – мать подаётся вперёд. – Она не убийца. Ей тогда было всего...

– Она – Громова. Этого достаточно.

Возвращаюсь к столу, беру папку с документами и кладу на стеклянную поверхность. Все печати, подписи, согласования – на месте.

– По праву крови она унаследовала всё. По закону, по традиции. Но она – омега. Она – никто. Теперь земля принадлежит нам.

– Она может просить союз, – тихо говорит мать.

– Тогда попросит на коленях.

Она вздыхает.

Я знаю этот вздох. Раньше он звучал так же, когда отец приносил в дом новые правила.

– Ты не простил ей, – шепчет она.

– Я и не должен.

Уже завтра я увижу её снова. Ту, которую когда-то хотел. Ту, которую теперь хочу стереть с лица земли.

Она – свидетельница последних мгновений жизни Кости. В этом суть. Не в правилах, не в политике, не в кланах. В ней.

Алина всегда была рядом – словно щенок, вечно крутившийся между нами. Сначала – хвостиком за Костей. Он учил её кататься на мотоцикле, таскал с собой на границу. Она смеялась над его шутками, обижалась на молчание, спорила со мной за ужином.

Годы изменили её. Взгляд стал серьезнее, голос – глубже. И я вдруг осознал: смотрю на неё как на женщину. Не на сестру и не на дочь главы клана. На ту, кого хочется запомнить не только глазами, но и руками.

Костя видел это, но молчал. Он был старше, мудрее. Не вмешивался. А потом исчез.

Через сутки его нашли. Тело изуродовано, следов не осталось. Лишь слухи. И один факт: последней, кто видел его живым, была Алина Громова.

Она рассказывала, будто они беседовали в саду. Он сказал ей: «Если всё получится, всё изменится». Он собирался к её отцу. Но после – ничего. Лишь пустота.

Видел её глаза тогда. Пустые. Были ли в них слёзы? Возможно. Но я не был уверен. Костя никогда бы не пошёл к Громову без веской причины. Никогда бы не доверился ему, если бы рядом не оказалось предателя. Если бы кто-то, кому он верил, не выдал его. Алина была рядом. Почему же жива только она? Единственная наследница? Ответ был очевиден: это сделал Громов.

А я любил её. Чёрт возьми, любил.

От неё исходил аромат жасмина. Не запах духов – аромат кожи, летнего сада, куда чужим вход был закрыт. Она говорила дерзко, слишком умно для своего возраста. И умела молчать так, что это становилось невыносимым.

Она просто смотрела на меня. Ни поклона, ни подчинения. И я ловил её взгляд, чтобы сгореть в нём. Никому не признавался, но тогда жил ею. Пока не лишился воздуха.

А теперь ненавижу её так же сильно, как когда-то любил.

Прошло больше пяти лет с тех пор, как её отец увёз её из города. Спрятал после смерти Кости.

Я не хотел встречи. Но она всё же пришла. В чёрном, с глазами, полными слёз. Измученная, молчаливая, печальная. И — чёрт возьми — настоящая.

На миг я поверил. Подумал, что ей больно. Что она тоже потеряла. Но потом вспомнил: последним, кто видел его живым, была она. И меня будто разорвали на части.

Горло сжалось, сердце опустело. Я сжал кулаки, потому что иначе завыл бы в голос, как волк, которому разнесли стаю.

С тех пор всякий раз, когда слышу её имя, внутри что-то обрывается. Это даже не гнев. Это пустота. Потому что та, кому я доверял больше, чем себе, оказалась предательницей.

И я до сих пор не знаю, что хуже: то, что она сделала это намеренно, или то, что всё это время лишь притворялась невинной.

Глава 2

С самого утра в воздухе висела сырость, запах влажной земли. День скорби. В иной жизни я остался бы дома. Но та жизнь сгорела вместе с Костей.

Мне всё равно, что сегодня похороны. Наоборот – пусть видят, что я не прячусь. Пусть знают: Волков не станет ждать, пока ему откроют дверь.

Сажусь в машину. Чёрный внедорожник глухо рычит, выезжая со двора. Рядом – Юра, мой бета. Всегда рядом, всегда сглаживает углы.

– Стас, – осторожно начинает он, когда мы покидаем город. – Может, стоит подождать? Дать им время...

– Зачем?

– У них траур.

– У меня тоже. Десять лет. И он не закончится, пока я не возьму то, что мне причитается.

Юра тяжело выдыхает.

– Я понимаю, но...

– Нет, не понимаешь, – резко обрываю я. – Я слишком долго ждал. Смотрел, как они живут спокойно, будто не пролили кровь моей семьи.

Сегодня я иду за своим.

Дорога к их поместью всегда тянулась бесконечно. Сегодня – пролетела. Каждый километр наполнял меня адрена-

лином. Пальцы так сжимали руль, что побелели костяшки.

Внутри – холод. Лёд, который удерживает от того, чтобы разорвать глотку каждому, кто встанет на пути.

– Хотя бы скажи, что собираешься сделать, – не выдерживает Юра.

– Узнаешь, когда сделаю.

Впереди уже высятся ворота. Чёрные флаги, охрана с траурными повязками. Они ждали меня... или надеялись, что я не появлюсь. Ошиблись.

Машина останавливается. Стражники переглядываются. Ворота открываются нехотя, и навстречу выходят двое в чёрном. Один делает шаг вперёд, голос глухой, каждое слово даётся с усилием:

– Прошу прощения, но сегодня семья Громовых не принимает гостей.

Я выхожу из машины. Медленно захлопываю дверь – чтобы он успел понять: его слова могут стоять ему места.

– Я здесь не в гости, – цокаю языком. – Я пришёл проверить свои владения.

Охранник моргает, будто не сразу понял мои слова.

– Сегодня же похороны...

– А завтра что? Ужин с шампанским? – перебиваю я, глядя прямо в глаза. – Не мешай.

Юра молчит, но его взгляд жжёт спину. Он уже понял: сегодня меня ничто не остановит.

Шагаю вперёд, минуя охрану. От аллеи к дому тянется за-

пах хвои и сырой земли. В окнах мелькают тени, когда я прохожу мимо.

В холле тепло и душно. Пахнет ладаном и дорогими духами. Высокие потолки, тяжёлые шторы, ковры приглушают шаги. На стенах – портреты Громовых, ещё не снятые. В углу кто-то перешёптывается, но замолкает, стоит мне появиться.

Я не тороплюсь. Вхожу медленно, позволяя им рассмотреть меня. За дверью столовой слышится звон посуды, приглушённые голоса.

Открываю дверь – и мгновенно наступает тишина.

Длинный стол накрыт в траурных тонах. Гости сидят, кто с бокалом, кто ковыряет вилкой еду, делая вид, что ест. Все в чёрном, лица строгие, но глаза полны напряжения.

В центре – Александра Громова, вдова. Уставшая, но спина прямая. Алины нет.

Медленно сканирую зал, задерживаясь на каждом лице. Хочу, чтобы все поняли: вижу каждого. Никто не останется незамеченным.

– Где она? – спрашиваю. Имя не нужно. Все знают, кого я ищу.

В ответ – тишина. Только звякнула ложка, да кто-то кашлянул в салфетку. Несколько человек поспешно уткнулись в тарелки.

– Ладно, – усмехаюсь глухо. – Найду сам.

Разворачиваюсь, уже прикидывая, с какой комнаты начну, как вдруг за спиной звучит голос:

– Станислав, что привело тебя сюда?

Замираю, медленно оборачиваюсь. Александра Громова поднялась из-за стола.

Я делаю пару шагов к ней, и она невольно отступает, хотя старается этого не показать.

– Что мне нужно? – наклоняю голову, смотря сверху вниз. – Всё, что теперь принадлежит мне.

Её губы поджаты, в зале кто-то ёрзает, но никто не встаёт между нами.

– Совет признал моё право, Александра, – произношу тихо, но каждое слово режет воздух. – И твой клан. И твоя земля. И твоя... наследница.

На миг в её глазах вспыхивает гнев. Я улыбаюсь. Мне некуда спешить: все должны понять – я пришёл не просить, а требовать.

– Ты бестактный щенок, – резко бросает она.

Я позволяю ей эту вольность. Только сегодня.

– Кажется, ты забыла уговор наших прадедов, Александра, – мой голос низок и твёрд.

– Я не забыла, – отвечает она холодно, как сталь. – А вот ты забываешься.

Гнев кипит во мне. На мгновение хочу ударить, чтобы показать, кто здесь главный.

И в этот момент звучит ясный голос:

– Не трогай мою мать.

Медленно поворачиваюсь. В дверях стоит Алина. Та са-

мая, ради которой я здесь. Живая. Дерзкая. В её глазах, когда-то смотревших без страха, снова горит вызов.

– Привет, Алина, – делаю шаг, не сводя взгляда. – Давно не виделись.

Она не моргает, не опускает голову. Но я чувствую напряжение в её запахе. Весь зал, вся стая затаили дыхание, ожидая следующего хода.

– Вижу, ты не изменилась, – тихо произношу. – Всё такая же... смелая? Или всё-таки глупая?

Глава 3

Сажу в пустой комнате, уставившись в окно. Ни книг, ни телефона – я специально убрала всё, что могло бы отвлечь. Но мысли всё равно кружат по одному и тому же кругу.

Неделю назад я вернулась из Питера. Мама встретила меня у ворот и, едва я переступила порог, сказала:

– Отец хочет видеть тебя.

Просто сказала. Без объяснений. Но по тому, как дрогнули её пальцы, я поняла: разговор будет тяжёлым.

С тех пор я жду. Отец не торопится. Он всегда так поступал – держал тебя в напряжении, пока не начинало казаться, что ты сходишь с ума.

В доме стоит тишина. Но не мирная – тишина липкая, давящая на виски. Слуги перешёптываются в коридорах, думая, что я не слышу. Кухня перестала пахнуть пирогами, в гостиной больше не звучит радио.

И всё это вместе создаёт ощущение: мы ходим по тонкому льду, и первой услышать треск должна именно я.

– Алина, – мама входит в комнату. Голос её тих, но без привычной мягкости. – Отец ждёт.

Коридор холоднее, чем моя комната. Каждый шаг отзывается гулким эхом. Я останавливаюсь у массивной двери спальни и знаю: за ней – то, к чему я не готова. Но всё равно толкаю створку.

Отец лежит в постели. Истощённый, серый, будто из него вытекла жизнь. Когда-то он занимал всё пространство, стояло лишь войти – и ты чувствовала его силу. Теперь же он словно утонул среди белых подушек и одеял.

Слёзы подступают, но я не позволяю им пролиться. Подхожу ближе, сердце бьётся так громко, что шум отдаётся в ушах.

– Папа... – мой голос чужой.

– Моя девочка... – едва слышно. Ловлю каждое слово, как будто оно может оказаться последним. Его ладонь тёплая, но слишком слабая.

– Что случилось? – спрашиваю, стараясь звучать спокойно, хотя ком в горле рвётся наружу.

Он смотрит на меня так, как не смотрел уже много лет. Без строгости, без привычного холодного расчёта. В его взгляде усталость... и отчаяние.

– Всё меняется, Алина, – говорит он тихо. – И ты должна быть готова.

Я крепче сжимаю его руку. Не понимаю, что он имеет в виду, но холод уже разрастается внутри, давит на грудь.

– Ты наследница, родная... – говорит всё тише, будто каждое слово вырывает из него силы. – Ни при каких обстоятельствах не приходи к Станиславу Волкову. Пообещай, Алина.

Я моргаю, не сразу веря, что услышала.

В груди сжимается так, словно из неё выкачали весь воздух. Почему именно он? Почему сейчас?

Вцепляюсь в его пальцы, не понимая, что именно он хочет сказать, но ощущая, как холод растёт внутри, давит на грудь и отнимает дыхание.

– Что?.. Папа, при чём тут Стас? – губы сжимаются до боли, чтобы не вырвался стон отчаяния.

В груди снова та же пустота. Почему именно он? Почему сейчас?

– Алина, – повторяет отец и чуть крепче сжимает мою руку. – Пообещай.

– Но... – я ищу его взгляд, надеясь найти в нём объяснение, но там лишь усталость и тревога.

– Обещай.

– Хорошо, пап... – выдыхаю, чувствуя, как слова застревают в горле.

– Моя малышка... – он пытается улыбнуться, но губы дрожат. Его пальцы едва касаются моей щеки – прикосновение лёгкое, как сухой лист, опавший на ладонь.

Я склоняюсь к нему ближе, чтобы уловить его дыхание... и вдруг замечаю перемену.

Оно становится прерывистым и тяжёлым. Грудь поднимается всё медленнее, взгляд уходит куда-то вдаль.

– Отец?... – шепчу я, и в тот же миг он выпускает последний вздох. Долгий и тихий, словно освободился от того, что тяготило его слишком долго.

Я хватаю его за руку, но она безвольно падает на одеяло. Дверь распахивается, в комнату вбегают медсестра.

– Что случилось? – выкрикивает она, оборачиваясь к кому-то позади, и уже тянется к его пульсу.

Следом заходят врач с кардиомонитором и ещё одна медсестра.

Комната наполняется суетой: отрывистые команды, быстрые шаги, запах антисептика. Во рту остаётся металлический привкус страха.

– Давление падает...

Стою у кровати, прижав руки к груди, не в силах пошевелиться. Всё происходит так стремительно, что разум отказывается верить в происходящее. Кажется, стоит лишь остаться рядом – и он откроет глаза.

– Простите... – произносит врач спустя минуту, глядя прямо на меня.

Я качаю головой, не желая верить. Передо мной не отец, каким он был всегда, а лишь его бледная тень. Никакая суета вокруг не вернёт его.

Мама подходит почти неслышно. Её лицо белое, глаза пустые. Она не плачет, не говорит, просто садится на край кровати и смотрит в одну точку, будто сама исчезла.

Слёзы текут сами, падая на одеяло, и я не успеваю их стирать.

– Кто это сделал? – спрашиваю я едва слышно, голос дрожит.

Мама медленно поворачивает голову. Её взгляд заставляет меня похолодеть изнутри.

– Ты и сама знаешь, – отвечает она тихо.

Глава 4

Выхожу из комнаты, не чувствуя ног. Коридор тянется бесконечно, стены давят, ковёр глушит шаги. В голове пусто, кроме одной мысли: папа больше не вернётся.

Поворачиваю за угол и налетаю на широкую фигуру.

– Осторожно, – раздаётся знакомый голос.

Поднимаю глаза. Сергей. Глава охраны. Бета, который когда-то учил меня бить в солнечное сплетение и вырываться из захватов. Человек, которого я всегда считала несокрушимым.

– Алина... – в его голосе слышатся удивление и тревога.

– Да... папа... папа... – слова срываются с губ вместе со слезами, и я уже не могу их остановить.

Сергей моргает, словно не сразу понимает, что я сказала. Но его лицо тут же мрачнеет.

Он кладёт руку мне на плечо и слегка притягивает к себе, как делал когда-то, когда я упала с лошади и разбила колено.

– Пойдём, – произносит он тихо. – Здесь слишком много лишних ушей.

Мы идём по коридору. Его шаги тяжёлые и быстрые, я едва поспеваю. Минуем лестницу и галерею с портретами, сворачиваем в боковой проход. В конце – массивная дверь. Сергей открывает её ключом.

Внутри – просторный кабинет. У стены ряд мониторов, на

столе два компьютера и папки с документами. В углу диван, рядом столик с чайником и коробкой чая. В воздухе лёгкий запах кофе и металла от техники.

– Садись, – кивает он на диван.

Опускаюсь, чувствуя, как дрожат ноги. Сергей наливает воду в чайник, включает его. Гул быстро наполняет комнату. Его взгляд прикован к мониторам, где сменяются изображения с территории.

– Что случилось? – спрашиваю хрипло.

Он поворачивается и опирается на край стола.

– То, чего мы все ждали. Рано или поздно это должно было произойти, – его голос спокоен, но твёрд. – Твой отец ушёл. Теперь каждая шакалья стая решит, что может урвать кусок территории. Особенно Волков.

Я сжимаю пальцы, холод пробирает до костей.

– Стас... – имя вырывается само.

Сергей кивает.

– Да. Он уже в курсе. И, поверь, он придёт. Не из вежливости.

– Из-за чего умер папа? – слова даются с трудом, но я должна знать.

Сергей на миг замирает, потом тяжело опускается в кресло напротив. Его лицо темнеет, взгляд уходит в сторону, будто он изучает мониторы, а не меня.

– Алина... – произносит он устало. И я уже понимаю: он не скажет всего.

– Думаешь, я ребёнок? – спрашиваю тише, чем хотела. – Думаешь, я не смогу понять?

Он медленно поднимает голову и смотрит на меня.

– Порой истина не лечит, а лишь ранит.

– Ты думаешь, я не смогу пережить это? – злость закипает внутри. Его молчание хуже любых слов.

Сергей тяжело вздыхает, проводя ладонями по лицу.

– Скажу так: твой отец погиб не случайно. Но если я назову имя, ты уже не сможешь ни жить, ни спать, пока не свершишь месть. А это станет твоим концом.

Сердце бьётся так, что в ушах звенит. Я уже догадываюсь, чьё имя он скрывает.

– Что же будет дальше? – спрашиваю, делая глоток чая. Горячий напиток обжигает горло, но только так удаётся согреться.

Сергей не сразу отвечает: его взгляд прикован к монитору, где камера показывает ворота поместья.

– Приедет Волков, – наконец произносит он. – И потребует, чтобы стая подчинилась.

Я резко ставлю чашку на стол, фарфор глухо стучается о дерево.

– Это невозможно, – говорю, хотя голос дрожит.

– Возможно, – спокойно возражает он. – Договор крови старше нас обоих. Смерть твоего отца открывает ему дорогу. А Стас не из тех, кто будет ждать или просить.

– Значит, он появится сегодня?

Сергей переводит взгляд с экрана на меня.

– Скорее всего, завтра.

– Что мне делать? – пальцы дрожат, ногти впиваются в ладони.

– Ничего, – отвечает он сухо.

Я вскидываю на него глаза, не веря услышанному.

– Ничего?.. Ты серьёзно?

– Более чем, – Сергей откидывается в кресле, скрещивая руки на груди. – Любое твоё движение станет сигналом для Волкова, что ты готова играть. А в этой игре ты пока слабее.

– И что, сидеть и ждать, пока он придёт и всё заберёт?

– Именно, – его голос твёрд и холоден. – Выживает не тот, кто бросается в бой, а тот, кто умеет вовремя затаиться.

Он снова смотрит на меня, и его слова звучат тяжело, словно камни:

– Алина, твой отец сделал всё, чтобы ты научилась быть самостоятельной. Он верил, что ты будешь разумной и ответственной.

Опускаю глаза, чувствуя, как эти слова ранят сильнее, чем хотелось бы.

– Ты считаешь, я не справлюсь? – мой голос звучит глухо.

– Я уверен, что тебе придётся справиться, – отвечает он, не сводя взгляда. – Потому что Волков не даст тебе второго шанса.

Я поворачиваюсь к окну. Серое небо нависает над домом, ветер гонит по двору опавшие листья.

Мысленно готовлюсь к встрече со Стасом. Мы не виделись шесть, а может, и больше лет. Наверное, он изменился. Обрёл ту холодную силу, которой боятся подчинённые альфы.

Но он меня не привлекает. Не должен. Не после того, что было.

И всё же где-то в глубине души я помню, как он смотрел тогда... и ненавижу себя за то, что помню.

Глава 5

Она стоит на пороге, словно высеченная из льда и стали. Её фигура безупречна, спина идеально прямая. Взгляд её холоден, и он должен бы оттолкнуть меня, но лишь разжигает моё любопытство.

В её чертах я вижу отцовские черты, и это поражает меня, словно вспышка.

– Зачем ты сюда явился? – её голос режет воздух, холодный и острый. Шипит, как змея, готовая броситься.

Я усмехаюсь, медленно делая шаг вперёд.

– Ты действительно считаешь, что я пришёл за приглашением?

Она слегка приподнимает голову, и я замечая, что её руки напряжены и сжаты в кулаки.

Она пытается сохранить достоинство, но я вижу, что под этой маской спокойствия скрывается буря эмоций.

– Это мой дом, Волков, – бросает она.

– Уже нет, – отвечаю спокойно, но с таким нажимом, что она замирает на секунду. – И если ты умна, Алина, ты перестанешь говорить со мной так, будто можешь диктовать условия.

– Прояви уважение, Стас. Сегодня я хороню своего отца, – говорит она резко.

Её оскал, который она не смогла сдержать, только силь-

нее раззадоривает моего волка. Он отзывается глухим рыком, что проносится по гостиной, отражаясь от стен. Пару человек охраны мгновенно подходят ближе, готовые встать между нами.

Я даже не смотрю на них – мой взгляд прикован к Алине.

– Уважение? – делаю шаг вперёд, и она вынуждена поднять голову, чтобы не потерять зрительный контакт. – Ты выбираешь это слово, когда говоришь со мной?

Охранники замирают, не решаясь вмешаться.

– Я думаю не стоит посвящать тебя в детали, – говорю я тихо, почти шёпотом, но так, чтобы все услышали. – И ты прекрасно это знаешь про договор.

– Не стоит посвящать тебя в подробности, – говорю я негромко, но так, чтобы все услышали. – Ты и сама прекрасно знаешь о договоре.

В её взгляде снова вспыхивает ярость, от которой мой внутренний зверь лишь сильнее рвётся на свободу.

– Это не даёт тебе права, – она произносит это, глядя мне прямо в глаза.

Я не позволяю ей закончить фразу. Я делаю резкий выпад вперёд и хватаю её за запястье так сильно, что она невольно вздрагивает и стискивает зубы. Я не причиняю ей боли, но она чувствует, что я могу это сделать. И сделать легко.

– Ты очень ошибаешься, моя дорогая, – голос низкий, глухой, пропитанный холодом. – Это даёт мне право на всё, что я захочу.

Я вижу, как в её глазах вспыхивает злость, но за ней – тень страха. И мне этого мало. Я хочу, чтобы она знала – никакой её голос, никакой взгляд не могут изменить то, что я здесь хозяин.

В гостиной замирают даже дыхания. Гости сидят, как вкопанные, не зная, куда смотреть.

Охрана держит руки наготове, но я чётко чувствую: никто не осмелится двинуться первым.

– Отпусти, – бросает она, пытаюсь вырвать руку.

Я усиливаю хватку, заставляя её посмотреть мне в глаза.

– Нет, – говорю тихо, почти шёпотом, но каждое слово она уяснит и запомнит. – Ты слишком долго жила в иллюзии, что с тобой считаются. Здесь и сейчас я разрушу эту иллюзию.

Я отпускаю её резко, так, что она едва не теряет равновесие. Делаю шаг вперёд, загоняя её в угол между столом и стеной.

– Привыкай, Алина, – говорю я бесстрастно, словно констатируя факт. – Отныне ты принадлежишь мне. Не как женщина. Как трофей. Как компенсация за кровь, которую вы мне задолжали.

Я вижу, как она замирает, и это звучит для моего внутреннего зверя как самая прекрасная музыка.

Подхожу ближе, и теперь между нами лишь воздух. Она стоит, поджав губы, но я вижу, как дрожит её плечо.

– Раз ты так любишь правила, – говорю тихо, но так, чтобы каждое слово было слышно, – то с завтрашнего дня моя стая

будет заходить на вашу территорию.

Я не отрываю взгляда от её лица, смакуя каждую паузу.

– С завтрашнего дня моя стая зайдёт на эту территорию. По всем направлениям.

Мои люди будут делать здесь всё, что посчитают нужным. Перестраивать. Сносить. Владеть.

– Этот дом... – я оглядываюсь, усмехаюсь, – станет либо моим, либо местом для тех, кто заслужил отдохнуть. Мои беты, например. Они не откажутся повеселиться с вашими омегами.

Она побледнела. Но подбородок всё ещё гордо держится. Последний рубеж. Я с удовольствием добыю его.

– И я даже не исключаю, – медленно, будто смакуя каждое слово, – что ты станешь утешительной игрушкой. Чтобы хоть на что-то была полезна.

Она стоит неподвижно, внешне сохраняя гордую осанку и плотно сжатые губы. Её взгляд устремлён вверх. Но внутри неё происходит нечто, что я ощущаю как электрический разряд. Её волчья сущность припала к земле, сжавшись в комок. Она дрожит от страха, не в силах даже завывать. Она боится, признаёт своё поражение и подчиняется.

Мой волк – ликует. Спокойно, как хищник после точного броска. Без лишних движений. Он победил. Она больше не сопротивляется – только стоит, застыв, вся в напряжении.

Я подхожу ближе. Наклоняюсь. Мои руки крепко сжимают её волосы, властно и решительно. Я тяну её назад, не

сильно, но достаточно, чтобы обнажить шею. Беззащитную, трепещущую. Она отклоняет голову, но не сопротивляется. Боится.

Запах. Запах той, которую я когда-то хотел до безумия. До потери контроля. До того, как он хотел сорвать с неё всё – и одежду, и голос, и гордость. В тот момент она была для него желанной.

Теперь – только должницей. Живым напоминанием о предательстве.

Наклоняюсь и касаюсь языком её кожи – чуть выше ключицы, на границе между уязвимостью и отчаянием. Солоноватый привкус страха, адреналина, подчинения.

Она вздрагивает. Я чувствую, как по позвоночнику проходит волна дрожи.

– Запомни, – шепчу я ей прямо в ухо. Медленно. Хрипло. Глубоко. – Ты теперь никто. Ни дочь. Ни наследница. Ни женщина.

Пауза. Она больше не дышит – только стоит, застыв, с откинутой назад головой, открытая, ломкая.

– Просто игрушка, – шепчу ей прямо в ухо, так, чтобы ни у кого не осталось сомнений. – Остаток от павшей стаи.

Я медленно убираю руку от её волос. Она продолжает стоять неподвижно, словно статуя, но её тело дрожит, как у лани, которая ждёт выстрела. Я отступаю на шаг.

Комната окутана зловещей тишиной. Траурные свечи едва мерцают, в воздухе витает тяжёлый запах ладана и волчьей

крови.

Я скольжу взглядом по лицам: беты, омеги и старейшины. Все склонили головы, но я замечаю, как кто-то поджимает губы, кто-то сдерживает дыхание, кто-то отводит глаза. Они уже всё поняли. Они уже признали. Вожак мёртв.

Я медленно провожу рукой по лацкану пиджака и выпрямляюсь.

– Времена изменились, – говорю, не оборачиваясь, и выхожу.

Глава 6

Сажусь в джип, хлопок двери глушит шум чужого дома. Двигатель рычит, как и я внутри. Злость клокочет, давит на виски.

Её взгляд... дерзкий, колючий. Чёрт, я не ожидал такого. Алина подросла. Это уже не та щуплая девчонка, что пряталась за маминой спиной. Женщина. С прямой спиной, острым языком и глазами, которые слишком много говорят.

И запах... Тёплый, тянущий, будто под кожу лезет. Стоп. Чёрт, нет. Не туда, Стас.

Сжимаю руль так, что скрипит кожа на обтяжке. Её не за что жалеть. Она – мой враг. И, клянусь, я заставлю её пожалеть о каждом дерзком взгляде в мою сторону.

Юра замолчал, и в салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным рокотом двигателя. Но запах беты, густой и тягучий, пропитанный тревогой и раздражением, портил всё. Юра молчал, но я чувствовал, как внутри него всё кипит.

– Говори уже, – прорычал я, не поворачивая головы.

– Тебе... не кажется, что ты перегнул? – спросил тихо, но с нажимом, словно пытаюсь понять, можно ли меня ещё вразумить или уже поздно.

– Не кажется, – ответил ровно.

– Стас, – Юра резко обернулся ко мне, – ты серьёзно отдаёшь её на растерзание нашим старшим? Это твой план?

Я сильнее сжал руль, и суставы захрустели.

– Это не твоё дело, Юр.

– Не моё? – он усмехнулся, но в этом не было ни капли веселья. – Она дочь Громова. Ты... ты же сам когда-то...

– Замолчи, – рык вырывается прежде, чем я успеваю себя остановить. В груди всё сжимается от злости. – Не смей мне напоминать, что было когда-то. Тогда я был другим.

Он смотрит прямо, не отводя глаз. И этот взгляд ясно даёт понять, что он уже причислил меня к тем, кого не собирается прощать.

Мне всё равно. Я здесь не для того, чтобы вызывать у кого-то симпатию. Я здесь, чтобы забрать своё – и уничтожить всех, кто попытается мне помешать.

Гравий хрустит под колёсами джипа. Ворота распахиваются ещё до того, как я моргнул – охрана чувствует меня издалека. Не останавливаясь, еду прямо в сердце стаи.

Двор – живой. Псы и волки в человеческом облике отработывают броски, молодняк гоняют до седьмого пота. Щёлкают команды, глухо лязгает металл оружия.

Я выхожу, не переодеваясь. Кровь ещё пульсирует в висках после встречи с Алисой. В воздухе пахнет хвоей, дымом костра и потом – родной, густой запах стаи.

– Олег, – кидаю взгляд на одного из охранников.

– Альфа, – он склоняет голову, показывая кивком в сторону большого дома. – Главный уже ждёт вас у входа.

Иду к нему через двор, чувствуя, как за мной следят де-

сятки глаз. Молодые перестают тренироваться, кто-то шепчет, кто-то вытягивается в струнку.

У крыльца стоит Олег – седой, мощный, с глазами, которые помнят больше, чем я видел за всю жизнь.

– Стас, – глухо произносит он, и в его голосе нет ни радости, ни недовольства – только ожидание.

Мы заходим в дом. Большая зала с массивным столом из тёмного дуба – здесь всегда решались вопросы стаи. На стенах – трофеи охот, за спиной – флаги клана.

– Всех сюда, – бросаю коротко.

Олег молча даёт знак. Через пару минут входят старшие – крепкие, прожжённые мужики, каждый с собственной свитой. Они занимают места, гул стихает.

Я опускаюсь в кресло во главе стола, не торопясь, достаю сигарету. Дым медленно поднимается к потолку.

– Значит так, – начинаю. – Громов сдох. Наследница у руля. Омега. Мягкая. Слишком воспитанная, чтобы удержать стаю.

Пауза. Смотрю каждому в глаза.

– Завтра мы заходим на их территорию. Мои люди ломают их распорядок, перестраивают всё, что сочтут нужным. Их дом – под моим контролем. Залы, спальни, кухня – всё наше.

Кто-то усмехается, кто-то переглядывается. Я продолжаю

– Уважаемые, – обращаюсь к самым опытным, – вам позволено входить к ним без предупреждения. Можете наблюдать, как они едят. Можете забрать омегу в свою спальню. Я

не возражаю, если кто-то из вас захочет развлечься с местными, пока мы будем заниматься своими делами.

Гул одобрения. Кто-то стукнул кулаком по столу.

– И да, – ухмыльнусь, затягиваясь, – сама Алина Громова будет при мне. Лично. Не как гостя. Как служанка. Чай подавать, полы драить, смотреть, как её стая подчиняется нам. И понимать, что она – не принцесса, а игрушка в моих руках.

Олег хмурится, но молчит. Остальные уже обмениваются короткими фразами, планируя, кто чем займётся.

– Вот и хорошо, – гашу сигарету о пепельницу. – Завтра начинается веселье.

– Подожди, Стас, – раздаётся голос с края стола. Это Левченко, старший с характером, привыкший спорить. – Ты уверен, что так давить? Громовы хоть и осиротели, но у них связи, а Совет может встать на их сторону.

В зале мгновенно становится тише. Кто-то перестаёт жевать, кто-то поднимает взгляд на меня, ожидая, что я сорвусь.

Я медленно поднимаюсь, обхожу стол, и встаю напротив Левченко. Смотрю сверху вниз.

– Ты мне сейчас предлагаешь... что? – говорю тихо, но так, что слышно каждому. – Пожалеть их?

Он открывает рот, но я не даю вставить слово.

– Громовы забрали у меня брата, Лёва. Ты был там, ты видел. Костя умер у них, с их молчаливого согласия.

Злость пульсирует под кожей. Я чувствую, как старшие

смотрят на меня. В их взглядах – понимание, что мою ярость не укротить никакими Советами.

– Совет? – усмехаюсь я холодно. – Совет придёт ко мне на поклон, если я решу их позвать. Я заставлю их подписать приказ о подчинении стаи Громовых.

Смотрю Левченко прямо в глаза:

– А если кому-то здесь кажется, что я играю слишком жёстко, дверь за твоей спиной. Можешь выйти и пойти к ним. Только не удивляйся, если завтра тебя встретят как часть их стаи... на коленях.

Левченко опускает взгляд. Никто не двигается. Я возвращаюсь на своё место.

– План не обсуждается. Завтра мы входим. И никто не уходит, пока Громовы не станут нашими.

Тишина. Потом первый одобрительный рык. Второй. Через минуту весь стол гудит в унисон.

Глава 7

Я не спала всю ночь. Лежала на кровати, смотрела в потолок, слушала, как за стеной скрипели половицы – охрана неустанно ходила сменами, и дом жил в напряжении.

В голове звучали слова Сергея: «Приедет Волков и будет требовать стаю».

И он приехал. Сегодня. Вместо траура, вместо тишины по дому разнесся его голос и запах. Его голос был слишком резким, а манера поведения – слишком властной.

Я испытывала к нему неприязнь. Меня корбило от его слов, когда он так спокойно говорил о своих притязаниях. Мне было неприятно от его руки, которая держала мою так, словно я не живое существо, а вещь. Меня раздражало, что моё сердце всё равно начинало биться быстрее, когда он был рядом.

Я закрыла глаза и до крови закусил губу. Мне хотелось закричать, разбить всё вокруг, но я сидела на краю кровати и молчала. Потому что страх был сильнее.

Он сказал, что придёт завтра. Что превратит наш дом в своё логово. Что мои люди станут его людьми. Что я – всего лишь утешительная игрушка.

Игрушка.

От одной этой мысли по телу пробежал озноб. Он говорил спокойно, но каждое его слово было подобно удару ножа. И

самое ужасное – я понимала, что он не шутит.

Сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Нет, я не позволю ему. Я не стану его собственностью. Я не дам разрушить то, что осталось от моего отца.

Но что я могу? Девочка, вернувшаяся из Питера, с дипломом и иллюзиями о другой жизни?

Встала и подошла к окну. За стеклом рассвет окрашивал небо в нежный розовый. Дом спал, но я ощущала: утро принесет бурю. И эта буря звалась Станислав Волков.

Непривычная тишина давила с самого утра. Дом, всегда полный голосов, шагов, звона посуды, будто осиротел вместе с нами.

С самого утра меня окружала непривычная тишина. Дом, который обычно был полон звуков: голосов, шагов, звона посуды, казался опустевшим и безжизненным.

Мама сидела напротив меня, держа в руках чашку чая. Её губы были сжаты в тонкую линию, а взгляд казался пустым, как у человека, который внезапно выпал из реальности и не может вернуться обратно. Она не плакала и не говорила – словно находилась в каком-то другом мире, где меня не было.

Я не видела Сергея и других охранников. Даже на постах у входа никого не было. Они словно растворились в воздухе. Неужели они так сильно боялись Волкова?

Мысли об этом не давали мне покоя. Стас уже вчера дал понять, что будет дальше, и мои люди, люди моего отца, уже

дрожат от страха при одном упоминании его имени.

Я сидела за обеденным столом, который был накрыт по привычке, но почти пуст. Раньше здесь собиралась вся семья, а теперь – только я, мама и несколько слуг, которые передвигались бесшумно, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Никто не говорил ни о похоронах, ни о Волкове, ни обо мне.

Тишина становилась невыносимой.

Я чувствовала, как сжимается моё горло, и мне казалось, что если кто-то произнесёт хоть слово, я не смогу сдержать эмоций.

После вчерашнего прощания с отцом все быстро разошлись.

Дом, где царила печаль, стал похож на пустую крепость. И теперь эта крепость стала моей тюрьмой.

– Мама? – тихо позвала я, пытаясь вернуть её из того места, куда она ушла.

Она медленно перевела взгляд на меня, словно издалека.

– Мама... – повторила сдавленно, чувствуя, как внутри нарастает паника. – Что нам делать?

Она опустила глаза в чашку, сжимая её так крепко, что костяшки пальцев побелели. Повисла долгая пауза. Тишина затягивалась, и я уже почти не надеялась услышать ответ.

– Принять это, – её голос прозвучал глухо и безжизненно. Меня словно ударило током. Принять? Это всё, что оста-

лось от нашей силы, от имени, от памяти об отце?

Я смотрела на неё, и во мне кипела злость – на Стаса, на неё, на всех, кто позволил ему так легко войти в наш дом. Но сильнее всего – на саму себя.

Принять... Я не могу. Я не смогу.

– Я не могу так... – слова сами срываются, и я резко встаю. Стул с глухим скрипом отъезжает назад.

Мама даже не пытается меня остановить. Её взгляд снова гаснет, уплывает куда-то в пустоту, и я понимаю – она уже там, в своей скорлупе, где боль заглушает всё остальное.

Я иду по коридору, цепляясь за стену, словно она может меня удержать. Моё сердце колотится, дыхание прерывистое.

На улице ветер пронизывает до костей, словно сам мир хочет меня уничтожить. Слезы жгут глаза, текут по щекам, но я их не вытираю – какая разница?

Мне нужно туда, к папе. К нашему месту упокоения. Мраморные плиты и вечный холод земли напоминают о том, что мы всегда жили и умирали на этой земле.

Мне нужно побыть одной. Хоть ненадолго...

Но когда я сворачиваю в садовую аллею, я слышу шум. Низкое урчание моторов, скрежет шин по гравию. Машины. Несколько.

Я замираю, пальцы автоматически сжимают край пальто. Они уже здесь.

Это не волки. Это шакалы. Они пришли, как стая падаль-

щиков. Любой нормальный человек... любой нормальный оборотень дал бы семье время оплакать, попрощаться. Хотя бы день.

Но у Волкова нет ни совести, ни уважения. У него есть только сила. И он пришёл показать ее.

Открываю тяжёлую дверь склепа. Холодный воздух обдаёт меня, смешиваясь с запахом ладана и воска. Свечи всё ещё горят, их пламя дрожит, как и мои руки.

Подхожу к плите. Буквы имени словно светятся в полумраке, режут сердце, словно ножом.

– Папа... – голос срывается, – что же мне делать?

Колени предательски подкашиваются, и я опускаюсь прямо на каменный пол. Холод тут же проникает сквозь одежду, но я не двигаюсь.

– Ты просил... – касаюсь рукой холодной плиты, – ты умолял не связываться со Стасом. Но как мне, пап? Как мне вернуться, если он уже здесь... если он дышит этой землёй так, будто она принадлежит ему?

Слёзы текут, но я не вытираю их.

– Я не такая сильная, как ты думал. Я не знаю, как защитить маму. Как сохранить стаю. – мои слова тонут в тишине склепа. – А он... он ненавидит меня так, будто я виновата во всём.

Свечи трепещут, словно отвечая на мои признания. Пахнет воском и смертью. Я закрываю глаза

– Прости, что не оправдала твою веру.

Глава 8

Я не знаю, сколько времени провела у плиты. Казалось, сама смерть внимательно слушала меня. И вдруг раздался резкий скрежет двери.

Тяжелые шаги, и в следующий миг грубые руки схватили меня под локти, поднимая с колен.

– Эй! – мой голос сорвался, глухо ударившись о каменные стены. – Отпусти!

Железные пальцы сжали меня сильнее, таща к выходу, не обращая внимания на мои попытки вырваться.

– Наш Хозяин ищет тебя, – прорычал один из волков прямо в ухо.

Я замерла. Хозяин. Я знала, кого они имеют в виду. Стас Волков.

Свечи остались позади, запах ладана растворился в холодном воздухе. Меня вытащили из склепа, и у выхода я увидела его силуэт.

Он ждал. Стоял, засунув руки в карманы, словно это он был хозяином этого места. Его холодный, суровый взгляд встретился с моим, и у меня внутри всё сжалось.

– Странно, что тебя не было в доме, – произнёс Стас, и его низкий, тяжёлый голос эхом разнёсся по улице.

Меня грубо поставили на колени. Холод камня проник сквозь тонкую ткань платья, и я подняла глаза, пытаюсь вы-

держат взгляд Стаса, но встретила лишь ледяное спокойствие.

– Я не обязана, – слова вырвались слишком быстро.

Он не повышал голоса. Даже не двигался. Просто смотрел, методично разрушая мою уверенность.

– Обязана, – произнёс почти лениво. – Ты наследница клана. Ты должна была быть там, рядом с матерью. Принимать гостей. Оплакивать отца. Но вместо этого ты спряталась здесь, как ребёнок, играющий в прятки.

Я сжала кулаки и промолчала.

Стас сделал шаг ближе. Его ботинки громко застучали по каменному полу.

– Думаешь, я позволю тебе выбирать, где быть? – наклонился, и его лицо оказалось совсем рядом. – Нет, Громова. С этого дня ты будешь делать то, что я скажу.

Его рука ложится мне на подбородок, жесткая хватка вынуждает поднять голову выше. Я ощущаю, как мои губы дрожат.

– Смотри на меня, – холодно сказал он. – Учись. Я не твой отец, который прощал твои слабости. Я тот, кто вырвал твою стаю из-под вашего контроля и поставил на колени.

Он сделал паузу, и каждое его слово словно падало в душу тяжелым свинцом.

– С сегодняшнего дня ты моя служанка. Ты будешь выполнять любые мои поручения, даже самые мелкие. Взамен твоя мать и твои люди останутся живы и будут обеспечены

едой.

Я хочу возразить, но горло сжимает от страха.

– Хочешь спорить? – хватает меня за подбородок и сильно сжимает. – Говори. Но помни: каждое твоё слово против меня будет стоять чьей-то жизни.

Я закрываю глаза. Тишину разрывает только моё дыхание.

Он отпускает меня, как ненужную вещь. Встаёт и смотрит сверху вниз, как на сломанную игрушку.

– Служить тебе – последнее, что я захочу, – рычу сквозь зубы, чувствуя, как обида и унижение разрывают грудь изнутри. Голос срывается, но я держусь. Если он думает, что я буду ползать перед ним или, хуже того, ублажать его – пусть обломается

Стас медленно улыбается. Улыбка эта не о радости, а о яде.

– Громова, – произносит, словно пробует слово на вкус. – Я знал, что с тобой будет не скучно.

Щёлкает пальцами. Резкий звук отдаётся в сводах склепа, и мои руки снова хватают. Меня рывком поднимают на ноги. Я вздрагиваю, но стараюсь не показать слабости.

– В её дом, – его голос звучит холодно и лишён эмоций. – В камеру. Пусть посидит там часа три. Остынет. Подумает о том, как быстро рушатся иллюзии наследницы.

Я пытаюсь вырваться, но охранники крепко держат меня.

– А потом... – он наклоняет голову, словно обдумывая самое жестокое наказание, и равнодушно говорит: – Потом мо-

жешь отдать её Артёму. Ему нравятся дерзкие омеги. Пусть развлечётся.

Его слова бьют меня, словно удар в живот. Я задыхаюсь от ярости и страха.

– Ты чудовище... – шепчу я.

Стас поворачивает голову, его глаза сверкают холодным огнём.

– Нет, Алина. Монстр – это твой отец, который оставил тебя без защиты. А я лишь воспользовался его ошибкой.

Он больше не смотрит на меня. Для него я уже решённый вопрос.

Охранники уводят меня, мои каблуки скользят по каменному полу, а в ушах всё ещё звучит его приговор.

Они ведут меня по коридору, как пленницу. Каждый шаг отдаётся в висках, словно в них вбивают гвозди. Охранники стоят навывтяжку, головы опущены. Рядом – чужие бёты, большие и массивные, с тяжёлыми, агрессивными запахами, забивающими воздух. Их сила вызывает у меня страх, и внутри всё сжимается.

Только Сергей не двигается. Наши взгляды пересекаются на миг, и я вижу всё: гнев, беспомощность, страх. Он не опускает глаз, как остальные, но не делает ни шага. Этого достаточно, чтобы моё сердце сжалось ещё сильнее: он не может защитить меня. Никто не может.

– Что смотришь? – рычит тот, что тащит меня за руку, и толкает сильнее, впечатывая в стену. – Иди, давай!

Я едва не спотыкаюсь, но поднимаю голову. Смотрю прямо, не моргая, будто этим взглядом могу убить. Но внутри – горит ярость и отчаяние.

Коридоры дома вдруг кажутся чужими. Всё здесь перестроилось за одну ночь: картины, что вешала мама, ковёр, по которому я бегала ребёнком, всё теперь выглядит не моим. Будто это уже дом Волкова, а я – гостья, которую ведут к клетке.

Меня буквально втолкнули в подвал. Дверь захлопнулась за моей спиной, и тишина обрушилась на меня.

Холодный воздух обжёг кожу, а запах сырости и затхлости вызвал дрожь. Сквозь маленькое окошко под потолком едва пробивался свет, больше похожий на тень, чем на сияние.

Помещение было небольшим: два метра в ширину и два в длину. Стены из камня, лавка, прикреплённая к полу. В углу – железные кольца, от которых тянулись ржавые цепи.

Меня охватил ужас. Я села на лавку и обхватила колени руками. Холод пронизывал до костей, сырость пробирала до кожи. Казалось, что этот подвал высасывает воздух и надежду.

Перед глазами всё ещё стоял взгляд Стаса. Холодный и расчётливый. В нём не было ни капли сожаления. Только ненависть. Только желание уничтожить.

Закрыла лицо руками, но слёзы не текли. Их будто выжгло. Я больше не была той девочкой, которая могла спрятаться за маминой спиной. Теперь я – наследница. Теперь он

будет ломать меня, как ломают любую вещь.

Но внутри, в самой глубине души, росло упрямство.

Я не позволю ему увидеть мою слабость. Не позволю слышать мои рыдания.

Глава 9

Мои люди уводят её. Она словно змея, даже на коленях умудряется держать голову так, будто я ей ровня. Ошибка. Но мы это исправим.

Подхожу к Юре. Его взгляд следует за Алиной, но затем возвращается ко мне. Я говорю спокойно, без лишних эмоций:

– Начнём с неё. Пусть почувствует, каково это, когда ломают не тело, а душу. Чтобы сломить гордыню, нужно лишить человека опоры. Когда он потеряет почву под ногами, он сам будет умолять о пощаде.

Юра кивает, но я вижу, как он сглатывает. Пусть сомневается, главное – выполняет.

– Окрестности? – спрашиваю коротко.

– Осмотрели, – отвечает он. – Наши люди уже навели порядок.

– Хорошо, – шурюсь, обводя взглядом дом. – Здесь всё будет работать по моим правилам. Местная охрана пройдёт проверку на лояльность. Кто не выдержит – уйдёт. Тех, кто не подчинится, ждёт наказание.

Юра молчит. На его лице то самое выражение, когда он хочет что-то сказать, но понимает, что лишнее слово может стоить ему жизни.

– Действуй, – говорю я и отворачиваюсь.

Я не тороплюсь. Время теперь на моей стороне. А вот Громова скоро поймёт, что её время вышло.

Смотрю на экран. Она сидит в углу камеры, будто это трон, а не сырое подвальное помещение. Громова даже здесь держится с вызовом. Змея.

Я откидываюсь в кресле, щёлкаю зажигалкой. В воздухе запах табака, в глазах – холод.

– Артём, – бросаю я, не глядя.

– Альфа, – он подходит ближе, и его жёсткая тень падает на пол.

– Предоставь ей три часа времени. Пусть осознает, что здесь её гордость не сможет преодолеть стены. А затем... загляни к ней. Но помни: не стоит причинять ей вред. Она – моя забава, моё удовольствие.

Артём усмехается:

– Немного жёсткости всё же допустимо?

Я поворачиваю голову, прищуриваюсь:

– Столько, чтобы она перестала думать, будто может перечь мне. Ни больше, ни меньше.

Иду в гостиную. Там сидит её мать. В отличие от дочери, эта женщина понимает правила игры. Не рвётся в бой, не смотрит с вызовом. Смирненно поднимает глаза, когда я захожу.

– Волков, – её голос тихий, ровный. Даже не дрогнул.

Я прохожу ближе, останавливаюсь напротив.

– Вижу, вы разумнее своей девочки.

Она кивает. Ни одной слезы, ни одного возражения. Просто смотрит, как будто заранее приняла поражение.

– Вы должны осознать, – я слегка наклоняюсь к ней, – что клан останется нетронутым. Но не из-за вашей силы. А потому что я не вижу смысла причинять вред тем, кто уже сдался.

Она молчит, крепко сжимая руки.

– Ваша дочь – другое дело, – усмехаюсь с холодным выражением лица. – Ей придётся научиться смирению. И мне интересно, сколько времени это займёт.

Я выпрямляюсь и бросаю быстрый взгляд на охранников у двери.

– Дом останется вашим, но теперь здесь будут действовать мои правила.

– Моя дочь не так проста, Станислав, – прерывает молчание. Голос тихий, но уверенный.

Я прищуриваюсь, делаю шаг ближе.

– Я знаю. Именно это и раздражает.

Она выдыхает, будто набираясь смелости:

– Она не виновата в смерти Кости.

Мои пальцы сжимаются в кулак. Холодный смех вырывается сам по себе.

– А вот это, Александра, не ваше дело.

Я наклоняюсь к ней так близко, что она вынуждена встретить мой взгляд.

– Вашей дочери придётся заплатить за всё. И поверьте, я сделаю так, что она вспомнит каждое своё дерзкое слово.

Александра отводит глаза, но не отвечает. И это молчание – лучшее подтверждение того, что я прав.

Выходя из этого дома, будто стряхиваю с себя всю липкую тяжесть. Воздух пропитан трауром и лицемерием. Я не могу здесь долго находиться – слишком много призраков прошлого и слишком много лжи в глазах Громовых.

Сажусь в машину, захлопываю дверь, и только тогда позволяю себе шумно выдохнуть. Пальцы бьют по рулю. Челюсть сжата так, что скрипят зубы.

– «Не виновата»... – передразниваю вполголоса Александру. – Да как же

Включаю зажигание, колёса глухо трогаются по гравию. За окном мелькают ели, ограда, чужая территория. Моя злость только растёт.

Алина. С её гордым видом, с этой ненавистью в глазах. Ни капли раскаяния, ни грамма слабости – будто она вообще не понимает, чем всё кончилось для моего брата.

– Не верю, – рык срывается с губ. – Ни единому слову.

Знаю одно: эта девчонка что-то скрывает. Она либо солгала тогда, либо молчала, когда могла спасти. И за это она заплатит. Я заставлю её платить – шаг за шагом.

Газ. Машина вырывается на трассу. Мне нужно решать вопросы.

От мыслей отвлекает вибрация мобильного. На экране – имя, которое давно не всплывало.

Олег Градов. Альфа стаи белых волков. Те самые, кто

когда-то ушёл в тень, будто их и не существовало. И вот теперь он решил вернуться.

Поднимаю трубку.

– Слушаю, Олег.

– Стас, – голос низкий, тягучий, с лёгкой усмешкой, будто мы старые приятели. – Слышал новости. Можно поздравить?

– Не тяни, – перебиваю жёстко. – Ты звонишь не ради поздравлений.

Молчание в телефоне тяжёлое и гнетущее.

– Ты всё такой же, – хмыкает он. – Прямой. Ладно. Говорят, Громыны остались без вожака. Наследница слабая. Вопрос времени, когда клан распадётся.

– Тебя это волнует? – рычу.

– Меня волнует баланс, – спокойно отвечает. – Твоя стая слишком быстро расширяется. Север всегда был разделён между нами, Стас. Ты не забыл, кто держал правый берег?

Я сжимаю руль до скрипа кожи.

– Забыл? Нет. Но и возвращать не собираюсь. Вы исчезли. Ушли в тень. Теперь назад дороги нет.

– Хм... – Олег будто наслаждается этим разговором. – Посмотрим. Не хотелось бы, чтобы смерть Громова стала началом войны, но если ты потянешь одеяло на себя... мы выйдем из тени окончательно.

– Попробуй, – бросаю и гашу вызов, даже не слушая прощаний.

Телефон падает на сиденье. В груди клокочет злость. Гра-

дов решил, что я ослаб после потери брата? Или что Алина сможет отнять у меня власть?

Улыбка сама тянет губы в жесткий оскал.

Пусть только попробуют. Я слишком долго ждал своего часа, чтобы делиться хоть куском.

Глава 10

Дверь камеры со скрипом открывается.

Раздаются тяжёлые шаги. Сначала появляется тень, затем – силуэт. Высокий, широкоплечий, даже крупнее Стаса. Глаза у него карие, тёмные, но в них нет ни капли тепла. Его взгляд скользит по мне так, что у меня перехватывает дыхание.

– Вставай, омега, – произносит он низким, глухим голосом.

Он сразу разворачивается. Ни малейшего ожидания, ни сомнений. Дверь остаётся открытой, и сквозняк из коридора бьёт мне в лицо.

Пытаюсь встать, но моё тело словно онемело. Часы неподвижности сделали своё дело – мои ноги подкашиваются, руки дрожат. Пальцы не слушаются.

– Быстрее, – бросает он через плечо. В его голосе нет крика. Ему это и не нужно. Глухой металл в его интонации пробирает сильнее любого крика. Я вскакиваю со скамейки, едва не оступаясь, хватаюсь за стену и едва поспеваю за ним. Он идёт широким шагом, уверенно, а я вынуждена бежать, чтобы не отстать. Сердце колотится так, будто готово выпрыгнуть из груди.

Я пристально смотрю ему в спину. Он не оборачивается, и это вызывает у меня ещё большее беспокойство. Стас, по

крайней мере, выражал свои мысли резко и грубо, но всё же это было общение. Этот человек же просто молчит, словно я для него не более чем неодушевлённый предмет.

От бессильной злости мои зубы сжимаются. Я не позволю им сломить меня. Не покажу страха. Пусть внутри всё дрожит, пусть холод сковывает тело – я не дам им ни малейшего удовольствия увидеть, как я сдаюсь.

Меня выводят из дома. Холодный воздух обжигает мои лёгкие, но даже это ощущение свежести не приносит облегчения – внутри остаётся лишь вязкая тяжесть. Мы идём вдоль знакомых стен, которые теперь кажутся мне чужими. Домики, где раньше жили наши охранники, теперь принадлежат им.

Толкают в один из этих домов. Дверь с грохотом закрывается за спиной, оставляя меня в тесном помещении, пропитанном запахами табака, пота и звериной агрессии. Деревянные стены, узкие окна, низкий потолок – всё это создаёт ощущение замкнутого пространства.

Несколько мужчин. Волки. Они крупные, наглые и принадлежат к стае Стаса. Их взгляды прожигают меня насквозь, а запахи сливаются в единое облако силы и превосходства.

– Господа, знакомьтесь, – раздаётся громкий голос, и кто-то из них хохочет так, что у меня внутри всё переворачивается. – Это наша новая служанка.

Их смех, гулкий, грубый и звериный, звучит как пощёчи-

на. Каждый взгляд – это плоть, каждый смех – это унижение.

– Да уж, служанка, – кто-то цокает языком. – Слишком гордая. Не по-нашему смотрит.

– Ничего, – лениво отвечает другой, растягивая слова. – Сломается. Все ломаются.

Я кусаю губу, чтобы не сорваться. Чтобы не зашипеть в ответ. Чтобы не выдать, что их слова достигли цели.

– И на что готова эта омега? – лениво тянет парень, сидящий в центре стола. Его поза слишком свободная, будто он у себя дома, а не здесь.

– На всё, что пожелаешь, – ухмыляется мой конвоир, даже не глядя на меня.

Воздух словно гудит от их интереса. Волки переглядываются, их глаза загораются опасным блеском. Я чувствую на себе их пристальные, жадные взгляды. Как будто я уже не человек, а добыча, брошенная в центр круга.

– Даже утешить ласками? – усмехается другой, растягивая каждое слово.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать. Кровь стучит в висках, кулаки сжимаются до боли.

– Нет, – голос резко обрывает смех.

Тон жёсткий, и все сразу притихают.

– Альфа сказал – не трогать.

Тишина давит, как тяжёлый груз. Несколько секунд никто не двигается, только слышно хриплое дыхание и шум шагов за дверью.

Я поднимаю глаза. Волки смотрят зло, будто я виновата в том, что им запретили. В их взглядах разочарование и злость.

– Ну что, парни, чем займём нашу красавицу? – лениво протянул один из волков, закидывая ногу на ногу.

– Раз уж у нас новая служанка, пусть учится, – ухмыльнулся второй. – Обойдёт всех старших с поклоном.

По комнате прошёл смешок.

– И каждому по «спасибо, что приютили», – с кривой усмешкой добавляет один из них.

Я чувствую, как внутри всё сжимается. Эти слова режут больнее, чем пощёчина. Они хотят, чтобы я склонила голову перед ними. Я – дочь Громова, наследница стаи, а они... ничтожества.

– Хорошая идея, – холодный голос за спиной заставляет меня вздрогнуть. Это Стас. Он стоит в дверях и наблюдает за их издевательствами, но не вмешивается. Наоборот, его взгляд словно подталкивает меня вперёд.

– Ну что, Громова? – он медленно скользит по мне глазами. – Покажешь, на что способна? Или заставишь?

В комнате воцаряется тишина. Волки замерли, словно это представление, которое они не пропустят ни за что.

Я стою неподвижно, и в какой-то момент внутри меня что-то взрывается. Ногти впиваются в ладони, зубы стиснуты до боли. Они ждут, что я склоню голову? Что я буду ползать перед ними, вымаливая их жалкое уважение?

Я поднимаю голову и смотрю прямо в глаза самому наглому из них.

– Спасибо? – мой голос срывается на рычание. – Это вы должны благодарить за то, что я вообще рядом с вами.

В комнате мгновенно становится тихо. Несколько волков напряжённо подаются вперёд, в их глазах вспыхивает хищный огонь.

– Что ты сказала, омега? – хрипло произносит один из них, но я уже не обращаю внимания. Внутри меня нарастает глухой рык, а тело словно разрывается от внутреннего огня.

Моя волчица вот-вот вырвется наружу. Я не в силах сдерживаться. В следующее мгновение воздух пронзает низкий звериный оскал. Я делаю шаг вперёд, мои плечи дрожат от напряжения, готовое к прыжку.

– Успокойся, – раздаётся ледяной голос Стаса. Он неподвижно стоит в дверях, но в его глазах читается удовлетворение. Как будто именно этого он и ожидал. – Теперь ты выглядишь как настоящая Громова.

Он пристально смотрит мне в глаза, не отводя взгляда.

– Но запомни: если посмеешь поднять лапу на моих людей, я лично сломаю твой волчий дух.

Глава 11

Громова не промах. Я примерно этого и ждал. Чертовка – ещё бы чуть-чуть, и сорвалась бы, обернулась прямо при моих.

Она дерзкая. Но это не сила. Это глупость.

Я вхожу в комнату, шаги тяжёлые, намеренные. Волки сразу смолкают, будто воздух стал гуще.

– Успокойся, – мой голос звучит ледяным эхом. Я стою в дверях, не двигаясь, и чувствую, как внутри разливается тёмное удовлетворение. Именно этого я и ждал. – Теперь ты выглядишь как настоящая Громова.

Я в упор смотрю ей в глаза, намеренно не отводя взгляда. Пусть знает – со мной нельзя играть.

– Но запомни: если посмеешь поднять лапу на моих людей, я лично сломаю твой волчий дух.

Делаю шаг вперёд, показывая ей разницу в силе. В её глазах – злость и горечь, но за ними я вижу страх.

– Громова, – мой голос низкий, почти угрожающий. – Если ты хотя бы на мгновение решишь послушаться, завтра заплатят твои волки. Всех по одному. Я заставлю тебя видеть, как рушится всё, что тебе дорого.

Я останавливаюсь перед ней и наклоняюсь ближе.

– Твоя жизнь теперь в моих руках. Их жизни тоже. Помни об этом.

Самка внутри неё затихла. Чувствую, как её волчица дрожит, признавая силу моего. Хватаю Алину за загривок, пальцы сжимаются в её волосы и шею, и тяну за собой. Она шипит, пытается сопротивляться, но всё равно идёт – тело слушается чужого приказа.

Вывожу её в центр, туда, где обычно собирается стая. Там кипит жизнь: волки тренируются, беты спорят, молодняк носится вокруг. Но как только замечают меня – тишина. Каждый поднимает голову, все взгляды устремлены на нас.

Толкаю Алину вперёд, и она падает на землю, цепляясь ладонями за пыль и гравий. Поднимает глаза – на неё смотрит вся стая. Их рык и смешки быют по её гордости более любого удара.

– Смотрите, – мой голос звучит громко, перекрывая всё. – Вот наследница Громовых. Та, что решила бросить вызов мне.

Я хищно обвожу взглядом круг, чувствуя, как напряжение густеет в воздухе.

– С этого дня я хозяин этих земель. Ваш быт, ваши законы, ваши судьбы – теперь в моих руках. И, надеюсь, у вас хватит мозгов понять: именно я решаю, кто здесь поднимется, а кто падёт.

Стая замирает. Каждый взгляд прикован к нам.

Громова поднимается с земли, вытирая ладонью пыль и кровь со щеки. Стоит прямо, будто бросает вызов – даже молчанием.

Мне даже интересно: кинется ли она на меня сейчас? Или сумеет проглотить свой волчий характер?

Я усмехаюсь, громко, так чтобы все слышали.

– Видите? Даже ваша наследница не нашла слов. Передо мной – молчит. Потому что знает: её голос тут ничего не значит.

Смешки и шёпот раздаются в толпе. Кто-то одобрительно рычит, поддерживая меня.

Я делаю шаг вперёд и бросаю последнюю фразу, чтобы вбить гвоздь в её гордость:

– Запомните этот день. Даже самые гордые склоняются, когда понимают, кто здесь хозяин.

Разворачиваюсь к дому, не сомневаясь, что Громова пойдёт следом. А если нет – мои парни помогут вспомнить дорогу.

Внутри уже накрыт стол, на котором разложены мясо, хлеб и вино. Всё готово, как и подобает хозяину. Я усаживаюсь в центре, а мои подчинённые занимают места по кругу. Тишина сама собой устанавливается, и каждый ждёт моего слова, словно замороженный.

Я бросаю взгляд на неё, холодный и пронзительный, словно проверяю, сломается ли она.

– Садись у моих ног, Громова, – произношу громко, чтобы все могли слышать.

Это не предложение, это приказ.

– Нет, – её голос звучит твёрдо и уверенно, почти дерзко.

Несколько присутствующих напрягаются, словно волки, почувствовавшие угрозу.

– Не понял? – медленно поворачиваю голову, внимательно следя за её реакцией. Она стоит в проходе, её руки сжаты в кулаки, а глаза горят вызовом.

– Я сказала нет, – повторяет она ещё громче, словно намеренно подстрекая толпу.

Я ухмыляюсь.

– Артём, объяви нашим, чтобы всех детей собрали в центре стаи. Сегодня будет обряд посвящения. Наши против ихних. Никого не жалеть.

– Но так нельзя! – кричит Алина, шагнув вперёд. Её голос срывается, в нём отчаяние и злость.

Поднимаюсь, медленно, чтобы каждый видел, какая разница между её протестом и моей властью.

– Это единственный язык, который понимает твой клан, Громова. Или ты сядешь у моих ног сейчас, или завтра будешь собирать тела своих щенков.

Минут пять в зале стоит тишина. Никто не двигается, только напряжённое дыхание и хруст костяшек, когда волки стискивают кулаки. Я не отводил взгляда. И она тоже. Но сломалась первая. Алина падает на колени. Слёзы катятся по её щекам, капают на пол. Голос у неё дрожит, но звучит так, что все слышат.

– Так бы сразу, Алина, – произношу холодно, с нажимом, чтобы каждое слово вбилося ей в память.

Можно оформить так, сохраняя жёсткость и ощущение демонстративного унижения перед стаей:

Я делаю паузу, глядя сверху вниз.

– А теперь ползи, – бросаю хрипло, не давая ей ни капли выхода. – Покажи всем, какая ты послушная омега.

Она вздрагивает, но послушно опускается на ладони. Ползёт ко мне медленно, неровно, всхлипы срываются с её губ. Вся стая наблюдает. И мне не жаль. Наоборот – я наслаждаюсь этой картиной.

Когда она, наконец, доползает, наклоняюсь и медленно провожу рукой по её голове, сменяя волосы.

– Послушная волчица, – произношу с хищной усмешкой.

Глава 12

Никогда прежде я не испытывала такого глубокого унижения. Стоять перед ним на коленях... перед всей его компанией. Их взгляды прожигали мою спину, а насмешки ранили сильнее любой плети. Но самое страшное было в том, что я слышала это не от постороннего, не от врага, а от того, кого когда-то искренне любила. Я мечтала о семье с ним. О том, что однажды мы будем рядом, что его смех станет моим утренним счастьем, а его руки – моей защитой. Когда-то я верила в него всем сердцем.

И именно он ломает меня сейчас. После смерти Кости всё рухнуло. Он не дал мне объясниться, не захотел слушать. В его глазах я стала предательницей, отравившей его жизнь.

Теперь он стоит надо мной, холодный и чужой, и заставляет ползти к его ногам. Я плачу, но не от слабости. Этот мужчина когда-то был всем для меня. Именно он ломает меня сейчас.

Вспоминаю нашу последнюю встречу до всего этого ада. Мы тогда гуляли по парку после дня рождения общих друзей. Летний вечер, липы пахли медом, асфальт ещё тёплый от солнца. Костя сказал, что проводит меня домой, и действительно проводил.

– Алинка, я вам со Стасом такую свадьбу устрою, – говорил он, смеясь и размахивая руками. Его глаза горели, он

был полон жизни, идей, надежд.

Я была так наивна, что верила каждому его слову. Мне тогда едва исполнилось четырнадцать. Я жила мечтами и строила воздушные замки, как будто счастье уже протянуло ко мне свои руки. Казалось, впереди только свет и любовь.

А сейчас я стою на коленях перед человеком, которого тогда любила до дрожи. И понимаю: все мои мечты превратились в прах в тот день, когда Кости не стало. Мне с трудом удалось попасть на похороны. Никто из присутствующих не хотел видеть меня там. Родственники Стаса смотрели на меня с таким выражением, будто я уже была осуждена. Для них всё сводилось к одному: Кости больше нет, а значит, виноваты Громы.

Мне удалось попасть на похороны чудом. Никто не хотел видеть меня там. Семья Стаса смотрела на меня так, будто я сама убила их сына. Для них всё было очевидно: Кости больше нет, значит, виноваты Громы.

Моего отца обвинили. Кричали, что из-за него сорвался договор и пролилась кровь. И пусть потом он доказал свою невиновность, для них это было не важно. Особенно для Стаса.

Он не слушал, не хотел слышать. Для него я осталась причиной смерти Кости.

Мне тогда было всего четырнадцать, и я просто хотела, чтобы меня проводили домой.

Когда я добирюсь до него, дыхание сбивается, пальцы

дрожат, колени саднят, а пыль липнет к коже. Смех стаи давит сильнее, чем стены камеры.

Он наклоняется и медленно проводит ладонью по моей голове, грубо сжимая волосы. Этот жест обжигает изнутри.

– Послушная волчица, – с хищной усмешкой произносит он.

Унижение обжигает каждую клетку. Я чувствую себя пустой вещью под его холодным взглядом.

Всё ещё стою на коленях у его ног, когда он облакачивается на спинку кресла и берёт кубок вина. Взгляд скользит по мне так спокойно, будто я часть обстановки.

– Сиди здесь, – произносит холодно, отрезанно, и продолжает обед, будто ничего не произошло. Вилка и нож звенят о тарелку, он ест неторопливо, не обращая на меня внимания. Но это «сиди здесь» звучит, как цепь на шее.

Волки ведут беседу без стеснения, и каждый их звук словно пощёчина моему самолюбию. Я стараюсь не двигаться, не поднимать глаз, хотя внутри всё бурлит. Когда он откладывает приборы, я на мгновение застываю, надеясь, что это конец. Но нет. Стас вытирает руки салфеткой, бросает её на стол и устремляет взгляд прямо на меня.

– Ползи. – Одно слово, сказанное так же буднично, как и его приказ минутой раньше. – Принеси Артёму чашу. Пусть и он попробует, что здесь подают.

Я застываю. Сердце рвётся из груди. Ползти ещё раз. На глазах у всех. Не к нему – к его бете.

– Давай, Алина, – его голос становится ниже, опаснее. – Покажи, что ты умеешь быть полезной не только мне.

– Стас, пожалуйста... не надо, – голос дрожит. Слова звучат неуверенно, будто я сама не верю, что могу его остановить.

Он медленно поворачивает ко мне голову. Взгляд пронзает до костей, и я тут же понимаю – ошиблась.

– Ты что-то сказала? – голос звучит тихо, но от этого только страшнее. Стая мгновенно замирает.

Опускаю взгляд, не в силах выдержать его пристального взгляда.

– Ты, кажется, забыла, – голос звучит тихо, но уверенно, а дыхание холодит мою щеку, – какое наказание предусмотрено за непослушание.

Сердце сжимается, дыхание перехватывает. Кажется, вся стая затаила дыхание, ожидая, сломлюсь ли я окончательно.

– Я приму твои условия, – голос дрожал, но я держалась.

Стас усмехнулся ледяной насмешкой:

– Торговаться? Ты никто, Алина. Жалкая омега, забытый трофей.

Зубы сжаты, руки дрожат, но я не сдаюсь.

– Стас... Там дети, женщины... – голос хрипит, слёзы жгут глаза, но я держусь.

– Когда-то я тебя хотел, – его слова режут по сердцу. – Теперь ты вызываешь у меня лишь отвращение. Хотя... я не против, если ты будешь мне служить.

Зал наполнился смехом и одобрительным рычанием. Для стаи это было зрелищем, для него – очередным подтверждением власти. А для меня... это был момент, когда пришлось проглотить свою гордость.

– Все вышли, – мой громкий рык эхом разнёсся по залу, ударяясь о каменные стены.

Никто не осмелился возразить. Сначала слышались тяжёлые шаги, кто-то потянулся к оружию, кто-то поднял на меня взгляд, но тут же опустил его. Через несколько минут зал опустел.

Остались только мы.

– Ну что, Алина, – произнёс Стас, – теперь без зрителей.

Глава 13

Перевожу взгляд на Громова: лицо непроницаемо, но в глазах – вызов. Это мне нравится. Пусть молчит – и так всё ясно.

– Вставай, – бросаю коротко. – Мы едем в мою стаю. Здесь тебе больше не место.

Её молчание упрямее любого крика. Я усмехаюсь: ненавидеть меня она может сколько угодно, но выбора у неё нет. Подчинение – единственный путь.

Она поднимается. Голова опущена, но походка выдаёт ярость. Словно сдалась, и именно этого я добивался.

– Артём, займись остальными, – приказываю. Он кивает: всё будет сделано.

Жду, пока Алина сядет в машину. Она двигается медленно, будто каждое движение даётся с усилием, но всё же садится. Я захлопываю дверцу, обхожу и устраиваюсь рядом.

Мотор урчит, машина трогается. Я смотрю вперёд, краем глаза следя за ней. Пальцы сжаты, губа прикушена, взгляд уходит в сторону.

На моей территории она станет моей. И только моей.

Ворота распахиваются, машина въезжает внутрь. Двор оживает: волки поднимают головы, молодняк замирает, старшие переглядываются. Все понимают, кого я привёз.

Алина сидит рядом, вцепившись в ткань юбки. Её глаза жадно скользят по деталям: каменные стены, тренировочная площадка, дома молодых.

– Давно я здесь не была, – тихо произносит она.

– Не увлекайся, – рычу. – Ты не в гости.

– Знаю, – холодно отвечает, отворачиваясь к окну.

Я улыбаюсь. Характер не сломен – это интригует.

У главного дома я выхожу первым и жду её. Напряжение витает в воздухе: прислуга и охрана уже знают о нашем приезде.

Веду её внутрь. Широкие коридоры, высокие своды, пол, отполированный до зеркала. Дом говорит не о богатстве – о власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.